

Северная страна

Рассказы

18+

Алиса Гурбанов
Северная страна

«Автор»

2019

Гурбанов А.

Северная страна / А. Гурбанов — «Автор», 2019

Испокон веков в нашем мире жила особая категория людей. Одни были едва заметны, и мало чем отличались от нас с вами – простых людей. Может это особенность их души, а может строение мозговых клеток. А может, и то, и другое. На протяжении многих столетий они обогащали наш мир, создавая уникальную атмосферу. Исчезновения начались в одной северной стране, где однажды правила поведения стали преобладать над здравым смыслом, а описания писателей-фантастов стали явью. Многие такие люди – уникальные и непохожие – вынуждены были надеть карнавальные маски, накинуть плащи-невидимки, и даже раствориться. Теперь они живут в неволе и по чужим правилам. Чувствуют постоянное давление общества и неприятие окружающих, которые, к сожалению, превзошли их в количестве, но не в качественном содержании.

© Гурбанов А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Вик	5
Пролог	5
Глава 1. Ежики, которые живут на дереве	8
1	8
2	9
3	11
4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Алиса Гурбанов

Северная страна

Вик

Пролог

Девочка-колодец

Это не самоедство. Нет. Возможно, это оно, но это не проблема. По крайней мере не ее. Не синдром, каким он может показаться. Она просто хочет, чтобы там что-то было, потому что пусто внутри; может быть. Как в колодце.

Жила была девочка-колодец. Внутри у неё было светло и чисто. Даже стерильно. Редкие растения поднимались со дна, цепляясь тонкими, почти прозрачными стеблями о стены. Не было ни цветов, ни аромата. Только идеальная чистота и порядок. И пустота.

Много лет девочка-колодец смотрела по сторонам, искала, чем бы себя заполнить. Мозг ведь есть – не тупая, и поэтому тяжело. Она пыталась, она старалась, кидала кирпичи в колодец, но те рассыпались и исчезали. Теперь она говорит о себе на каждом шагу и делает из мухи слона. Жалуется всем, пытается найти единомышленников. Девочка-колодец кричит, что больна самоедством, что интроверт: чтобы все видели, как ей хорошо быть одной! Но она не одна: она наблюдает за ними – наблюдают ли они за ней.

А другие, серые, прозрачные, такие же пустые, смотрят и восхищаются ею. И кирпичами, и одиночеством. Они не способны понять, что наигранное уничтожение – есть способ быть, стать кем-то. Быть просто девочкой-колодцем для нее недостаточно.

«Пусто, пусто!» – кричит умная голова и смотрит вниз.

«Пусто!» – бьется эхо о стены, падая на дно. Ударяется о землю и лежит в одиночестве.

Констанция Брюг (14 лет)

Журнал «Юность как порок»

* * *

– Скажите, это вы написали? – мужчина средних лет держал в руках вырезку из старой газеты.

– Совершенно верно, – с гордостью в голосе ответила Констанция.

На обратной стороне газеты девочка, на фоне взлетающих голубей, осторожно шла по мостовой. На ее выставленных вперед ладонях послушно сидел голубь. Одета в светлый сарафан с рукавами-фонариками, темные ботинки с закрытым носом и светлые носки, на вид ей было года три. Правая ножка повисла в воздухе, смущенная и радостная улыбка, тело немного наклонено вперед. Констанция почувствовала прохладный летний ветерок, тепло послеобеденного солнца, услышала шум проезжающих по мосту машин. Запах пожелтевшего детства, черно-белых надежд, оборванные уголки ее жизни окутали Констанцию словно туман. Она попыталась прочитать имя фотографа, но корреспондент, заметив ее взгляд, поспешно спрятал вырезку в темно-синий блокнот.

– И так, продолжим. Вас зовут Констанция? – спросил он с сомнением в голосе.

– Совершенно, верно.

– Какое странное имя, так действительно называют детей? – ростом не выше полутора метров, корреспондент с длинным каре тонул в огромном старом красном кресле.

– Нууу есть страна, где мальчиков до сих пор называют Людовиками. – ответила Констанция. Ее маленький аккуратный носик и такие же ушки, слегка топырились, придавая ей непринужденный вид.

– В вашей статье, которая появилась много лет назад, вы говорите о девочке-колодце. Скажите, чем вызвано такое осуждение? О ком именно вы написали?

– Ни о ком конкретно. – Вопрос хоть и звучал не впервые, заставил ее разозлиться. «И ты такой же, как и все», подумала она про себя, а в слух произнесла:

– Я хотела лишь сказать, что бывают разные люди. Наша планета полна необычных, оригинальных, и в то же время пустых и глупых людей. В этом ее многообразие. Но бывает так... как бы это сказать. Бывает, что кто-то вдруг начинает решать: кому быть на этой планете, а кому не быть.

– Не совсем понимаю, о чем вы говорите, но мы к этому вернемся.

– Вот вы, например, знаете, что некоторые люди могут высохнуть словно домашние цветы. – перебила его Констанция. – Сначала высыхают кончики листьев, потом они опадают. Немного позже нагибается стебель, опуская с каждым днем все ниже и ниже свою макушку. И это остается незамеченным, понимаете? А я все вижу. Я вижу, как некоторые люди тихо умирают внутри. Это видно по их улыбке, читается в их глазах. – Она пристально посмотрела корреспонденту в глаза. – Я вижу, как люди используют всю силу самовнушения, пытаются обмануть внутреннее я, потому что смотреть на окружающий их мир становится смертельным. Горечь о том, что они могли поступить по-другому, пойти на зов, что отбивал вески много лет, увидеть наконец то, что манило их как мерцающий маяк в розово-фиолетовых сумерках – все это становится невыносимым. «Ах если бы я был смелее!» – напрягает слух шуршащая радиоволна.

Голубые глаза собеседника засмутились. Пальцы нервно листали блокнот. Ухватив глазами последний по списку вопрос, корреспондент произнес:

– Скажите, Констанция, почему вы здесь находитесь?

* * *

Прошли долгие пять минут, прежде чем он удостоился ответа. За это время он успел подумать, что не стоило ему ввязываться в этот проект по реабилитационным клиникам наподобие ВИК. Потом он вспомнил отца, ныне уже покойного, и, что тот, наверное, был бы разгневан, узнав, что его сын не только не освещает, как он в свое время, экономические процессы в государстве, но и занимается популяризацией нового экспериментального проекта по усовершенствованию общества. Затем он подумал о «благом» намерении нового правительства их северной страны, а потом Констанция ответила вопросом на вопрос.

* * *

– Встречали ли вы когда-нибудь людей, после общения с которыми, у вас оставались странные ощущения непохожести и непонимания? А иногда чувство воодушевления, словно вам передалась их заряжающая энергия? – она подалась немного вперед, подставив ладонь под подбородок. – Этим человеком мог быть студент-официант, обслуживающий вас во время обеденного перерыва, гитаристка, играющая в вашем любимом клубе, а мог быть и ваш старый знакомый, который как-то за ужином приоткрыл вам удивительные грани своего внутреннего мира.

– Хм. Наверное, нет. – На самом деле содержание ее слов не доходило до его шаблонного разума. По правилам этикета он выждал несколько минут, и по уже заученной программе про-

должил интервью с одним из пациентов ВИК. – Вы, Констанция, утверждаете, что находитесь в клинике не из-за деятельности партии «Свободные и непохожие». Скажите, какова ваша роль в этой партии? – выдавил он важный вопрос, понимая при этом, что положительных результатов сегодня он не добьется.

Ответа не последовало, как и продолжения запланированного интервью. Констанция откинулась на подушки, разложенные на кровати и скрестив руки на груди, закрыла глаза.

* * *

Четыре года назад, устав в одиночку бороться с окружающим ее миром, Констанция вступила в только зарождающуюся партию «Свободные и Непохожие». Став ее полноправным членом, она организовывала подпольные встречи во всех соседних регионах города Мирабель. Но спустя год таких активных действий, ее поймали, не без участия близких ей людей, и отправили в ВИК на реабилитацию.

Глава 1. Ежики, которые живут на дереве

1

В небольшом холле пятого корпуса было душно и жарко. Обжигающий солнечный свет просачивался сквозь узкую щель бархатных штор, методично сжигая части выцветшего ковра. Зеленый торшер, расположенный между креслом и диваном, нагревал помещение своим тусклым светом. По лицу Констанции струйками спускался пот, временами попадая ей в рот, временами падая прямо в рубашку. Ее темно-каштановые волосы небрежно спадали на мятый коричневый пиджак.

– А ты слышала про бабочек в лесах Амазонии, – спросил Том, в то время как беззвучно засмеялся зал в одном из вечерних передач.

– Однажды... – продолжил он, выждав несколько минут. – Однажды, в джунглях Амазонии у не ядовитых фиолетовых бабочек стали рождаться бабочки с другой окраской – с ярко – оранжевой как у ядовитых бабочек. Сначала ученые посчитали, что это естественное генетическое отклонение, но временем из группы не ядовитых, первоначально фиолетовых бабочек, выжили только те, что имели оранжевую окраску. Представь, эта отпугивающая окраска спасала обычных бабочек от нападения и позволила сохранить свой род. Они не стали ядовитыми, они сменили только внешнюю окраску.

– И где ты такое вычитал? – равнодушно спросила Констанция. Её воспаленные глаза безучастно глядели в никуда.

– Смотрел вчера по телевизору. – Том бросил взгляд на немой экран. – Мне кажется, в отличие от этих бабочек, люди, живущие в этой местности, поменяли не только свою окраску, но и сущность. – Он сглотнул безысходность и отвращение. – Люди стали ядовитыми существами. Почти все травоядные превратились в хищников, а те кто не смог... Эта местность временами напоминает мне джунгли Амазонии.

Надоедливая муха привлекла внимание Констанции, но ненадолго. Спустя несколько секунд зелено-карие зрачки снова посмотрели на Тома:

– Ну так уезжай. Тебе что-то мешает.

– Не могу. Ты же знаешь.

* * *

Реабилитационная клиника ВИК находилась на окраине города Мирабель. Построенное в восемнадцатом веке огромное мраморное здание сначала было частной школой для одаренных мальчиков, затем муниципальным колледжем для девочек. В начале девятнадцатого века колледж охватила волна самоубийств, продолжавшаяся в течение нескольких лет. Несчетное количество повесившихся юных учениц было снято с ремней, десятки литров рвотных остатков собраны после отравлений, сотни метров алых пятен было смыто с серого асфальта. Все изменилось после таинственной смерти главного директора колледжа. Государство конфисковало территорию и располагающиеся на ней здания, превратив их в научный госпиталь. Спустя еще двести лет он стал закрытой частной клиникой, служащей интересам государства.

* * *

Том и Констанция еще долго сидели в холле пятого корпуса под странное шуршание напольного вентилятора. Мир будто остановился вокруг них. Замер. Только пластмассовые лопасти продолжали разносить по воздуху пугающие их мысли. Вентилятор без конца прокручивал, кричащий в голове Тома, голос. Голос, вырывавшийся на свободу словно ошибочно приговоренный заключенный:

«Местность. Общество. Люди!»

«Бабочки, Джунгли!»

«Полумрак, жара, духота!»

2

«Тук-тук»

Звук доносился откуда-то снаружи.

– Кто там?

«Наверное, показалось», подумала Констанция, отойдя от двери своей палаты.

– Ты кого-то ждешь?

– Да нет. Наверное. – Констанция вытащила из мятой обувной коробки белые тапочки. –

Мне кажется, птица должна скоро прийти, – сказала она, аккуратно складывая их носками к двери. – Вернуться что ли. Я жду, что она меня почувствует и обязательно найдет дорогу домой.

– А птица это кто? – спросил Том.

– Птица – это мое внутреннее я. – Констанция нервно потерла подушечками пальцев мокрый лоб. – Моя внутренняя часть потерялась. Только вот не знаю – это я ее где-то забыла, или она сама убежала, устав от пренебрежения.

– Я могу подождать ее с тобой. Мне совсем не трудно. – в его светло-голубых глазах, едва заметно отражался миниатюрный силуэт. – Садись, поболтаем.

– Ты, наверное, думаешь, что я жутко странная раз позволила этому случиться.

– Думаю, – непринужденно ответил Том. – Но это не важно.

* * *

В реабилитационных клиниках наподобие ВИК пациентов лечили от инакомыслия и непохожести. Их миссия заключалась в излечении оригинальных, нестандартных пациентов и превращении их в «нормальных людей». Такие клиники появились сравнительно недавно, но уже успели набрать большую популярность среди зажиточного класса и представителей самопровозглашенной аристократии. В последние же пару лет интерес стали проявлять и обычные семьи. Поначалу, ведь все родители поддерживают в своих детях неповторимость и даже болеют этим, но в определенный момент часть мозга, отвечающая за уникальность, отключается, словно по щелчку. Будто кто-то подходит к ним сзади и нажимает кнопку «выкл» – разумная часть начинает тихо угасать словно одинокая свеча в темном пространстве, заранее ощущая необратимость процесса. В итоге на каком-то этапе жизни всех начинают загонять в стойло, указывать на общие нормы и правильное поведение.

Трусливые родители приводили в такие клиники своих малолетних детей, дабы не упасть в глазах общества, а суды еженедельно приговаривали к пожизненному заключению в ее стенах рецидивистов и смельчаков.

Реабилитационная клиника ВИК являлась смешанной частной клиникой с возрастной группой от двадцати одного до тридцати семи лет. По мнению современных врачей, люди

именно этого возраста успешнее поддавались терапии и социальной реинтеграции. Сто двадцать два пациента пребывали в ВИК на стационарном лечении без права контактов с внешним миром.

* * *

– Но ведь живут же как люди без внутреннего я, Констанс? – спросил Том немного погодя. – Живут и, кажется, радуются жизни. Ну или так кажется. Вот мои родители прожили всю жизнь хорошо, и знать не знают про второе я и его существование. Может и тебе надо. Просто отпустить, перестать ждать и начать жить. Оно ведь приносило тебе дискомфорт, как я понял. Докучало тебя. И твоих родных. Поэтому они привезли тебя сюда?

Констанция промолчала, бросив оценивающий взгляд на небольшое бордовое пятно на футболке Тома.

– Я просто, просто предположил, что многие люди не разговаривают со своими я. – Том смущенно потер кончик носа указательным пальцем. – Ну или не говорят об этом. Раньше все те, кто вели беседы со своим я, жили в определенных лечебных заведениях. Тебе же об этом известно?! – Он лукаво улыбнулся и обвел взглядом прилегающую к основному зданию зеленую лужайку.

– Да, я знаю. Но многое что, кажется, в одну эпоху ненормальным, становится обыденным в последующую и этот факт. Поэтому обижаться на твои слова я не собираюсь.

– А если серьезно, то ты не ответила на мой вопрос: почему в ВИК тебя привезли родители?

– Ладно, приведу другой пример. – сказала Констанция, игнорируя вопрос Тома. – Вот представь, живет маленький мальчик. Авторитарный отец пытается сделать из него настоящего мужчину, постоянно швыряя в него фразами «ты же будущий мужик», «не хандри» и т. д. Мать, при этом, одаривает его всем тем, что считает пойдет на пользу «мужчине» (из мужа сделать настоящего мужчину не получилось, так она приступила к сыну). И этот мальчик растет. Его неповторимый внутренний голос стучит по внутренним стенкам души, но остается запертым где-то глубоко в грудной клетке. Его видение, ощущение мира игнорируется, осуждается – ведь общество лучше знает, что для него важнее, и что необходимо. Он начинает делать все то, что от него требует общество. То, что делают его друзья и окружение. Он идет на работу или женится и начинается взрослая реальная (в кавычках) жизнь. Его жена хочет ребенка и у них появляется ребенок. Потом первому ребенку нужен братик или сестра. И так пролетают десять лет, потом двадцать. И вот проснувшись как-то утром, спустившись на завтрак, этому мужчине до боли захочется залезть в петлю. Не потому, что все ужасно – и жена его вроде бы любит и дети вроде бы уважают. А потому что, что-то внутри не дает ему покоя. Он забыл, как звучит внутренний голос и сейчас для него это просто физические симптомы, которые выражаются в высоком давлении, в несварении желудка, а у некоторых в хронических заболеваниях. И вот наш мальчик в возрасте пятидесяти лет пытается как-то решить дискомфорт, образовавшийся при всей его хорошо организованной жизни. Каждый день он смотрит в зеркало и видит лишь глубокие морщины, аккуратно прорисованные кистью жизни, уставшие карие глаза и одиночество. Спустя еще какое-то время после такого утра, соседи и знакомые будут жалеть его супругу: «Ведь надо же какое несчастье выпало на ее душу. Муж то пьет, то кричит, то любовницу завел». Но никто не задастся вопросом, а что же толкнуло этого мальчика пятидесяти пяти лет на такие действия.

Том достал из левого нагрудного кармана футболки сигареты.

– Нет, только не стряхивай пепел на пол. – Констанция достала пепельницу из-под дивана.

– Ты хочешь ты сказать, что все те люди, которые начинают странно, по мнению общества, себя вести..... – Том два раза затянулся, сморщив лоб. – Что у всех этих людей просто проблемы с внутренним я?!

– Нет.

– А что тогда? Я не совсем тебя понял.

– Не страшно. – Констанция, прихватив с подоконника книгу в мягком переплете, легла на кровать возле Тома.

3

Её задорный смех отдавался у него в голове с самого утра. Том сидел на кровати, в тысячный раз покручивая в голове их встречи, мимолетные взгляды, её формы, улыбку. Их близость, порождавшая непреодолимое желание освободиться, оживляла его. Ему до боли хотелось снова открывать, исследовать, рисковать. Не строить планов. Стать бесстрашным мальчишкой-сорванцом. Жить и вдыхать полной грудью, а на выдохе чувствовать, как учащенно бьется сердце.

Он так долго ждал того дня, когда они наконец оказались наедине. Вся квартира, наполненная ароматами его духов и запахом сигарет, была в их распоряжении. Он сидел за столом, доканчивал писать заключение, когда вошла она. Без стука, без звонка. Старые напольные часы пробили полночь. Он ждал её – она никогда не опаздывала. Он налил по бокалу вина, задвинул шторы. Он рассказал, как прошёл его вечер, что подарили ему друзья. Она, слушала молча, лишь изредка поднимая на него глаза. Какие длинные у неё оказывается волосы, подумал он, когда она распустила их, освобождая от тугой резинки.

Вдруг он вспомнил день их первой встречи, когда она растрёпанная вбежала к нему в кабинет и попросила карандаш, чтобы заколоть торчащие во все стороны волосы. А сегодня, они аккуратно спадали на ее оголенные плечи, отражая пламя окружавших их свечей. Его руки слегка коснулись ее шеи, и он почувствовал биение ее сердца.

Том прикусил язык.

«Она единственное что держит меня на плаву. Мысли о ней. Какая банальщина!» – он стукнул себя по лбу, рассердившись.

Том закрыл глаза и снова почувствовал ее запах тела.

Он спланировал их первый вечер давно – когда она впервые ответила улыбкой на его подмигивание. Он хотел, чтобы все было идеально: купил новые простыни, долго и мучительно дегустировал вина, расставлял и зажигал свечи. Он не мог понять, о чем она думает и нравится ли он ей. Она могла смеяться над каждой его не смешной шуткой, могла облизывать свои тонкие губы, смотреть играючи украдкой, а временами быть отрешенной, беспрекословно подчиняясь каждому его слову, словно душа ее в тот момент находилась где-то за пределами вселенной.

– Как она могла донести на меня в совет? Как она могла инициировать процесс реабилитации? Ведь, еще совсем недавно я жил потрясающей жизнью. А сегодня?

– Сегодня – слышался хриплый прокуренный голос. – Сегодня ты сидишь на ветке старого кривого дерева, а под тобой ничего нет.

– Ничего?! – собственный голос отозвался эхом в голове Тома. Он посмотрел вниз.

– Черт возьми, подо мной действительно ничего нет. Нет ни реки, ни скал. Нет поляны или поля! Ничего! Где это я!?

– Не надо так кричать. Тебя слышно.

Том не поверил своим ушам. Он обернулся. На, трещащей под его весом, сухой ветке сидела черная ворона, пристально осматривая его. Сначала она высокомерно осмотрела его небольшую белесую голову, его голубые глаза, уши, наклонила голову и заглянула ему в рот.

Затем усмехнулась, заметив мятый и порванный в двух местах ворот голубой рубашки. Оценила черный ремень из козьей кожи и кожаные горчичного цвета туфли.

– А ты у нас модник оказывается, – ее глаза немного сузились.

Том сильно моргнул несколько раз, но осознав, что это не сон и не галлюцинации, произнес:

– Я собирался в спешке. Что с того?

– Ничего такого. Просто наблюдаю.

– Я вижу. Может лучше поможешь?

– Помочь? И чем же? Донести до ближайшего безопасного места? – спросила надменно ворона, почесав клювом под левым крылом.

– Боже, это все только снится. Это не я. Боже как я здесь оказался. – Поток бессвязных мыслей бурлил в его голове. – Я совершенно не помню, чтобы до этого. Кажется, я был в клинике, а потом? Не помню, что делал и чем занимался? Я помню только ее. Где она теперь? – Том снова посмотрел вниз. – От падения в неизвестность меня отделяет только одно движение. Усталое движение моей кисти, мне стоит просто опустить ветку, и я стану невесомым, я стану парить и обрету совершенство. Я встречу ее.

– Эй ты снова делаешь вид что меня здесь нет. Но я-то здесь. И хочу поговорить с тобой.

Дрожь распространилась по всему телу – с ног до самой макушки. Старую ветку начало трясти.

– Надеюсь, я сплю. – подумал Том, когда влажные кисти дотронулись до его пальцев.

Он силой открыл глаза. Руки так крепко держали заржавевшую, местами облупленную металлическую решетку, что сухожилия и запястье побелели, став цветом утренней молочной каши. Он попытался отпустить, но пальцы намертво сжимали замерзшее железо.

– Помогите мне. – сорвалось с его бледно-синих губ.

– Я не знаю, чем тебе помочь. – ответила черная ворона, сидевшая на подоконнике справа от него.

* * *

Том снова открыл глаза и увидел высохший, пожелтевший, словно прокисшая сметана, потолок. Он был весь мокрый, голубая рубашка в темных пятнах. Том почувствовал запах своего пота и его затошнило.

– Все это только сны. Только сны. – Он попытался ободрить себя.

Спустя пять минут, шатаясь, Том вышел коридор, опираясь правой рукой о серую стену. Он шел по коридору, пытаясь позвать доктора, но ничего не выходило, только хрип и свист в груди как при приступе астмы. Том подошел к приёмной. Высохшие деревянные двойные двери, со стеклянными квадратиками в центре, были покрашены на скорую руку. Две кушетки из трех были заняты.

Главный врач отделения слушал лёгкие пациента, когда увидел Тома. Он широко заулыбался, жестом предложив Тому войти. Медбрат, стоявший у входа, сделал шаг назад. Главный врач отделения тем временем пересел за рабочий стол в правом углу. Том пересек приемную, подойдя вплотную к огромному размеру металлическому столу. Он медленно взял, лежавший на столе гибридный помидор размером с дыню, и отрезал кусок ножом для резки бумаги. Сок брызнул во все стороны, оставив следы на форме врача и голубой рубашке Тома. Вкус помидора показался Тому не естественным, тело его задрожало от большого количества сахара, началась тахикардия.

– Что на этот раз? – спросил главный врач отделения. – Лекарства закончились?

Том помотал головой:

– Голова мутная, – произнес он шепотом.

Вдруг, что-то привлекло внимание Тома. Он отошел назад, и нагнувшись, посмотрел под стол. Жидкость похожая на томатный сок стекала со стола на пол тонкой струйкой. Темно-красная густая жидкость капала с голубой рубашки, прямо на коричневые туфли. Том поднял глаза – поверхность хромированного стола была красной.

Сознание Тома снова играло с ним, но он не почувствовал.

4

«Скорее всего это грязь. Испокон веков живущая в этом городе, она добралась и до меня. Грязь и зависть, грязь и ненависть или просто грязь. Грязь попала в эту местность случайно, но почувствовав благодатную почву, заполнила собой все пространство. Возможно, много столетий назад, в одной из квартир пятиэтажного дома появился маленький вулкан. Он возник неожиданно, где-то в северных серебристых сумерках, перед самым рассветом, где-то под ржавой раковиной на кухне. Его можно было заметить и закрыть жерло, но жильцы той квартирке были люди глуповатые и безрассудно любопытные. Понемногу, не торопясь, этот вулкан рос и рос, и стал частью дома. И чем стремительней бежало время на планете, тем больше массы лезло из жерла кухонного вулкана. Возможно, жители пятиэтажного дома, достаточно насытившиеся лавой, стали бросаться ею в соседей и друзей. У них была своя философия – при незнакомцах быть чистыми, а в квартирках у себя вести жизнь подобно свиарника. И все бы ничего, все имеют право на свою семью и на грязь в ней. Можно закрыть глаза и пройти мимо, если не грязь, периодически залетающая в твою семью и в твой дом. Я, наверное, и не заметила опасности, притаившуюся прямо у нее перед носом. Может Том и прав, – продолжала размышлять Констанция. – Может да ну ее эту местность. Зимой слишком холодно, в мае идут дожди, в июне невыносимая влажность и огромные насекомые. Насекомые! – Лицо ее нервно поморщилось. – Как будто кто-то выращивает насекомых миллионами и держит в больших прозрачных пакетах, а в июне просто переворачивает и трясёт что есть мочи. Грязь проникла в наш дом и закралась глубоко в мою квартиру и в душу. Это я впустила грязь, я позволила вулкану стать неотъемлемой частью нашей с птицей жизни.

На миг ей показалось, что птица уже никогда не вернется. Что ее Внутреннее Я найдет себе уютное место и заживет там счастливо, без нее.

* * *

– А Вам не кажется доктор, что я слишком глубоко и часто заглядываю себе внутрь?! – спросила Констанция, вернувшись в кабинет доктора. Шла сорок пятая минута встречи с лечащим ее врачом. Доктор Швит был психиатром, довольно несимпатичным мужчиной, а временами казался полным психопатом. Курс этот был обязательным и еженедельным.

– Ну, допустим, – продолжала она свою мысль, – некоторые люди заглядывают в себя, изучают себя, анализируют. Давайте назовем это спуском. Они спускаются к себе на пятый этаж, некоторые на седьмой. А я уже на десятом и не могу остановиться, понимаете? Вы же знаете, доктор, что не все выбирают на поверхность живыми, ну или здоровыми. А я нахожусь тут так долго, что кажется уже не смогу жить на поверхности.

– Вот для этого вы сюда и приехали, дорогуша, – сказал доктор Швит как всегда надменным тоном и посмотрел на нее в упор. Его черные маленькие глазки никак не подходили к непропорционально большому носу и тонким губам.

– Нет уж извините, я приехала сюда не по доброй воле, – разозлилась Констанция, слегка повысив голос.

– Ну не в этом суть, деточка. – он поспешил сменить свой тон. – Суть в том, что мы обязательно вам поможем. Пройдя весь наш курс и выйдя отсюда, вы не только снова сможете

жить на поверхности, но и найдете друзей и единомышленников. Вы никак не будете от них отличаться, поверьте мне. У нас самые высокие показатели реинтеграции.

Она ничего не ответила. Оставшиеся тридцать минут он расспрашивал про ее самочувствие: хорошо ли она питается, что ей снится и не мешает ли ей по ночам соседка-крикунья.

– Мне хочется писать, доктор. Много и постоянно – сказала Констанция, после некоторой паузы. – Пальцы хотят бить по клавишам или набирать слова в блокноте телефона. Я закрываю глаза и пишу, пишу, пишу. А открываю и вижу только желтый потолок. Что со мной доктор.

– Покажите мне, что из последнего вы написали?

Она протянула ему треугольный кусочек бумаги, вырванный наспех из тетради медсестры.

Давно не курю, но покурила бы в мыслях. Давно не писала, но нет материала.

Давно не ходила босиком по асфальту, но нет и асфальта.

Хочется бежать, но некуда.

Много любви, но не кому дать.

Пришло время получать, но не у кого брать.

* * *

Закат мое любимое время суток.

* * *

– Хорошо, очень хорошо, Констанция, – сказал доктор Швит, пряча бумажку себе в карман. Он закрыл свой блокнот, сложив его слева на диван, что означало – сеанс на сегодня окончен.

В реабилитационной клинике В.И.К. лечили от всех возможных и невозможных болезней. В клинике был свой устав и своя медицина, которая менялась, чаще чем настроение подростка. Директор клиники ВИК, дядя психиатра Швита, заведовал ею уже пять лет и зарекомендовал себя в обществе как ответственный гражданин. Он изобретательно и успешно лечил болезни, никому не изведенные, но современные и актуальные. Эта клиника всегда отвечала нуждам прогрессивного общества, пользуясь поддержкой государства, что позволяло избегать независимые проверки в течение многих лет.

* * *

Через две недели Констанции разрешили писать. Как-то в понедельник, после завтрака, к ней пришла медсестра и принесла настольную лампу, а также тетрадь и две ручки. Во вторник пришли рабочие и сняли замеры.

В пятом корпусе палаты были не стандартно узкие, вытянутые. В палате Констанции справа от входа стоял старый деревянный комод с двумя дверцами, над которым висела настенная хрустальная лампа. Чуть дальше, вдоль правой стены, стояло большое винтажное кресло. Оно когда-то было мягким и красным, а сейчас походило на высохший на солнце томатный сок. Слева от входа, был узкий стенной шкаф с белой дверью, дальше стояла деревянная кровать.

В конце палаты было окно, а под ним невероятных размеров чугунная батарея. Она плохо грела, но убрать ее совсем было нельзя. Краска на оконных рамах высохла и облупилась. Когда становилось совсем невыносимо, Констанция забиралась на подоконник и часами дергала за высохшие кончики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.